

DOI:10.22337/9785432302205-2017-484-493

*Ю.В. Чантурия,
иностраннный член РААСН,
БНТУ, Минск*

ЗАСТРОЙКА ЦЕНТРА БОБРУЙСКОЙ КРЕПОСТИ НА ЗАПАДЕ РОССИИ КАК ДОСТИЖЕНИЕ КЛАССИЦИЗМА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье изложены результаты проведенного исследования функционально-планировочных и композиционно-пространственных особенностей города-крепости Бобруйска, а также центра и главного архитектурного ансамбля крепости в первой половине XIX в. как объектов, характеризующих творчество выдающегося петербургского зодчего позднего классицизма – А. Е. Штауберта.

Ключевые слова: крепость, центр, ансамбль площади, планировочная структура, объемно-пространственная композиция

Y. Chanturia

The Center of Bobruysk Fortress in West Russia – the Achievement of Classicism in the First Half of the XIX Century

The author describes the results of the research of the functional, planning, spatial and compositional peculiarities of city-fortress Bobruysk, its centre and the main architectural ensemble in the first half of the XIX century as the objects that characterize the creative work of the famous Petersburg architect of late classicism – A. E. Shtaubert

Keywords: fortress, center, ensemble of the square, planning structure, volumetric-spatial composition

Современная градостроительная деятельность в качестве фактора совершенствования предполагает изучение закономерностей исторического развития отечественного зодчества. Крупнейшим архитектурным явлением служил русский классицизм, благодаря своему не полностью раскрытому колоссальному информационному потенциалу постоянно привлекающий исследователей.

В итоге реализации в 1772 г. первого этапа вхождения белорусских земель в состав Российской империи государственной задачей стало строительство городов-крепостей, необходимых в связи с пограничным положением образованных губерний. Крепости должны были отвечать военно-политическому предназначению, находясь на стратегических направлениях в соответствующих ландшафтных и градостроительных условиях и вмещая многочисленные гарнизоны, а также требованиям фортификационной строительной науки, основанной на широком применении огнестрельного оружия.

В XVII - XVIII вв. Российское государство уже имело опыт решения крупномасштабных фортификационных задач. Массовость строительства крепостей, небольшое число их разновидностей и наличие единого заказчика в лице военного ведомства обусловили целесообразность разработки образцовых проектов фортификаций. Они выполнялись по современным западным аналогам и предусматривали правильные геометрические очертания укреплений, регулярную внутреннюю планировку с размещением казенных административных, жилых и хозяйственных зданий. В зависимости от величины, административного статуса и экономического состояния города-крепости при нем могли развиваться регулярно спланированные предместья – форштадты, или предградья, населенные купцами, ремесленниками и представителями других сословий [1, с. 276, 278, 282, 300].

В белорусских губерниях линия крепостей проектировалась в городах Приднепровья - Могилеве, Полоцке, Рогачеве и Быхове, которые развивались как военно-административные центры с реконструкцией старых и созданием новых регулярных укреплений, а возле Сенно проектировалась крупная крепость. Проекты не осуществились в связи со скорым переносом границы на запад [2, с. 65, 72]. В Могилеве, Полоцке, Рогачеве и Быхове это, вероятно, объясняется также неудобством совмещения функций и характера застройки города и его центра с ролью внутрикрепостной территории в условиях возросшей мощи артиллерии. Наоборот, в Сенно расположенная в удалении от города фортификация с большим гарнизоном в мирное время, очевидно, не могла существовать в отрыве от обслуживающих его форштадтов. Указанные недостатки учтены при строительстве мощных укреплений Бобруйска и Бреста, в основном относящемся к 1810 - 1830-м годам.

Планировке и отдельным элементам застройки крепости Бобруйска посвящен ряд трудов [3, 4, 5], в которых введена в научный обиход важная фактологическая и историко-теоретическая информация. При проведении исследования в архивах Москвы и Санкт-Петербурга автором настоящей статьи изучена серия регулярных фиксационных и проектных планов Бобруйска и его отдельных районов [6], что позволило обнаружить существенные особенности развития структуры города, художественные и культурологические качества его общественного центра, ансамбля Соборной и культовой площадей [7, с. 223 - 230, 296 - 301; 8, с. 98 - 100].

Концепция организации крепости основывалась на следующем: полная ликвидация планировочной структуры и застройки исторически сложившегося города, за исключением единичных каменных храмов; создание принципиально иных функционального зонирования, регулярной системы планировки и застройки внутрикрепостной территории, рассчитанных на проживание и ведение военных действий многочисленного гарнизона; в соответствии с достижениями фортификационного зодчества первой половины XIX в. формирование структуры укреплений, включающей замкнутую овальную главную оборонительную линию и систему вынесенных вперед по всем направлениям фортов, редутов, флешей и др.; расчистка вокруг крепости обширных открытых пространств, необходимых для обстрела противника, тогда как с других сторон крепость защищалась водной преградой; строительство за этими «стратегическими» пространствами регулярно спланированных форштадтов со своими торгово-культовыми центрами, связанными единственной магистралью с военно-общественным центром внутри крепости.

В Бобруйске оборонительная система была рассчитана на гарнизон 25 - 30 тыс. чел. Укрепления в виде земляного полукольцевого вала с бастионами охватили жилую территорию с прямоугольной уличной сетью, выходившую на берег Березины. На удалении 400 - 600 м от этой оборонительной линии наподобие четверти окружности разместились форштадты, которые представляли собой сплошную застроенную полосу шириной около 600 м и внутри тоже имели близкую к прямоугольной сеть улиц.

Первые проекты регулярной перепланировки средневекового Бобруйска, не предусматривающие строительство крепости, составлены в 1800 и 1810 гг. Однако проектирование оборонительных сооружений началось уже в 1807 г. Генеральные планы укрепленного города, видоизменявшиеся и дополнявшие друг друга, составлены в 1810, 1811, 1819, 1822 гг. Наиболее совершенный вид, отраженный в проекте 1836 г., Бобруйск получил после посещения его в 1817 г. Александром I, высказавшим пожелание «об устройении в плаце Бобруйской крепости прямых улиц, бульваров и прочего» [3, с. 29].

Система оборонительных сооружений возведена по проекту директора Инженерного департамента при Военном министерстве, генерал-лейтенанта К. И. Оппермана. Окончательные проекты планировки форштадтов и территории внутри пояса укреплений, а также проекты собора, общественных и жилых зданий, крепостных Минских и Слуцких ворот, выполненных в едином, высокохудожественном стиле ампир, разработал в 1817 - 1836 гг. архитектор Инженерного департамента А. Е. Штауберт [3].

Выдающийся петербургский зодчий Александр Егорович Штауберт (1780 - 1843 гг.) происходил из обер-офицерской семьи российских немцев. Будучи выпускником Академии художеств он приобрел известность благодаря проектам многочисленных зданий военного и гражданского назначения, а также учебе у великих мастеров русского классицизма и совместной работе с ними (А. Д. Захаров, А. Н. Воронихин, К. И. Росси). Среди построек А. Е. Штауберта в Санкт-Петербурге – Военно-сиротский дом, казармы и госпиталь лейб-гвардии Финляндского полка, казармы Литовского полка, Николаевская кавалерийская школа, Михайловское артиллерийское училище, Морская тюрьма в Новой Голландии и др. На ряде объектов с ним работал полковой архитектор Зражевский. Известно, что А. Е. Штауберт неоднократно отмечался императорскими наградами и завершил службу в чине статского советника (генерал-майор в армии) [9].

В Бобруйске, несмотря на уничтожение средневековой планировки, в новом градостроительном решении усматривались черты преемственности нерегулярной структуры веро-полукольцевого типа: формирование плана крепости в виде большого полукруга, подобно абрису поселения XVIII в.; сохранение градоформирующего значения каменных храмов; наследование и развитие отдельных элементов — главной коммуникационной оси и культовой католической площади.

Кроме того, близкая к полукруглой форма крепости, обусловленная плоской местностью и примыканием города к обрывистому берегу реки, генетически преемственна и полукруглым ренессансным укрепленным поселениям конца XVI - начала XVII в., размещенным в аналогичной природной ситуации (Быхов). Несмотря на различия в решении земляных укреплений, их кардинальное усложнение, функционально-планировочные принципы организации оборонительной линии остались во многом прежними.

Пояс крепостных сооружений вокруг города можно представить как три основных фронта обороны длиной около 850 м каждый. Западный фронт был почти перпендикулярен южному, а северный примыкал к западному под тупым углом. Существовал и короткий северо-восточный фронт, выходивший к обрыву над поймой Березины. Каждая из трех основных линий валов и рвов была снабжена тремя обширными бастионами — крайними остроугольными и центральным с тупым углом. Сухой ров по периметру крепости у подножья бастионной линии усиливался капонирами. Возле куртин между бастионами размещались рavelины, перед которыми в большинстве случаев были созданы флешы. Рavelины и флешы находились и на подступах к крепости, в том числе предмостовая флешь тет-де-пон на противоположном берегу Березины. Кроме того, по другую сторону впадающей в нее малой реки устроено отдельное земляное укрепление, которое прикрывало подходы с юга и состояло из системы бастионов и рavelинов. По составу сооружений, оборонным возможностям, градостроительному мастерству и качеству исполнения бобруйскую крепость можно причислить к достижениям фортификационного зодчества всероссийского, а возможно, и мирового масштаба.

В прямоугольной планировке внутрикрепостной территории выделялись две взаимно перпендикулярные основные магистрали. Большинство вытянутых кварталов ориентировалось длинной стороной вдоль главной, Минской улицы, определявшей структурный каркас общественного центра, как крепости, так и города в целом.

Форштадты состояли из четырех, позже – шести, рядов кварталов. Созданные на свободной территории, эти районы отразили процесс формально-типологического упрощения, утраты, в определенной мере, художественной содержательности и самобытности планировочных решений крупных жилых образований сравнительно со зрелым классицизмом конца XVIII - начала XIX в. Тем не менее, при организации огромной селитебной зоны реализована своеобразная композиционная идея. Пояс форштадтов запроектирован как лаконичная асимметричная форма, напряженная по рисунку, в своей целостности состоящая из пяти систем планировки.

Анализ пространственных связей крепости и форштадтов позволяет предположить, что в первой половине XIX в., как и в предшествующее время, предпринимались попытки придать городской структуре религиозную символику, освятить произведение градостроитель-

ного творчества. Такой подход одновременно был и проявлением романтической ориентации на образцы прошлого, обладавшие богословским содержанием. В Бобруйске примечательна идеология сакрализации, основанная на применении чтимого в христианстве числа три, семантически связанного с образом Святой Троицы.

Высотную композицию города определяли две основные доминанты — новый собор Александра Невского и приходский костел. Каждый из двух пространственных ориентиров замыкал видовые направления только трех улиц на форштадтах, что вряд ли случайно, учитывая значительное число там поперечных магистралей (22) и хорошую возможность у автора, проектирующего на свободной территории, нацелить большинство улиц форштадтов на храмы. Число три соблюдено и в положении бастионов, рavelинов и флешей. Оси симметрии только трех таких укреплений совпадают с осями поперечных улиц, композиционно увязывая между собой структуру крепости и форштадтов.

Общественный центр Бобруйска имел ярко выраженное своеобразие, обусловленное удалением крепости от форштадтов и потребностью создать линейный по характеру, протяженный и пространственно развитый ансамбль для их функционального и композиционного объединения. В свойственной классицизму манере центр формировался вдоль главного проспекта и состоял из трех больших участков, каждый со своим индивидуальным решением, проходящих соответственно по крепости, поперек Минского форштадта и по открытой территории между ними.

На первом участке, внутри крепости к основной улице с двух сторон примыкали четыре площади разного назначения и два общественных сада. В этой части центра выделялись функциональные зоны: лечебно-рекреационная с одним из крупнейших в белорусских губерниях госпиталем и ботаническим садом; административно-культовая, представленная площадями с православным и католическим храмами, зданиями коменданта, штаба, генеральскими и обер-офицерскими домами, училищем, общественным садом, монументальным обывательским строением; военно-складская и жилая с обширным плацом для парадов. Композиция центра основывалась на продуманном чередовании вдоль проспекта свободных пространств площадей, акцентированных культовыми вертикалями, садов и закрытых пространств проспекта, фланкированного с двух сторон застройкой.

На втором участке, на Минском форштадте структурная ось города формировалась жильем состоятельных мещан. В месте выхода проспекта на открытую территорию между форштадтом и крепостью создана основная рыночная площадь. Планировка площади, проспекта и примыкающих отрезков улиц форштадта была симметричной относительно оси, тогда как по контрасту система ансамблей в пределах крепости отличалась асимметрией.

Третий участок главной улицы на свободной территории был обсажен рядами деревьев, начинался от торговой площади, композиционно открытой к крепости, и подходил к оборонительной линии, где фортификационные сооружения прорезали Минские ворота.

Особый интерес представляет композиция центра в пределах укреплений, приведение которой к идеализированной схеме позволяет выявить художественные особенности. Система архитектурных объемов, формирующих магистраль, периметры площадей и садов, сводится к двум часто применяемым типам элементов: сплошной протяженный блок и три П-образно поставленных объема, два из которых выходят на площадь или улицу торцами, а один — длинным фасадом. Эти типы устойчиво применяются, независимо от назначения и масштаба зданий, пропорций площадей, соотношений объемов в группе или интервалов между ними.

Относительно магистрали как оси воплощена идея композиционного неравновесия общественных пространств площадей и садов. С одной стороны от нее было четыре обширных пространства, с другой — два малых. При движении по улице преобладало их боковое визуальное раскрытие. Как известно, примыкание площадей к улице одной из сторон так, что протяженная коммуникация проходила по краю нескольких форумов, характерно для западноевропейского Средневековья. В качестве романтической реминисценции эта особен-

ность использована в классицистическом градостроении. Иные побудительные мотивы применения данного приема, наиболее вероятно, отсутствуют.

Принцип неравновесия элементов композиции оказался исторически традиционным для Бобруйска на разных этапах его развития. Если в XVIII в. наблюдалась неравновесность объемов культовых доминант, то в XIX в. это свойство проявлено на материале замкнутых городских пространств. Одной из осей, относительно которой формировалось неравновесие, служила в оба периода одна и та же главная улица. Эстетический подход А. Е. Штауберта подтверждает характерную для классицизма идею романтической преемственности, свидетельствует о творческом мастерстве зодчего. Воплощение неравновесия именно на примере пространств закономерно в связи с типичной для стиля вообще тенденцией образного преобладания архитектурного пространства над массой.

Тем не менее, в композиции центра применен и принцип равновесия, но в отношении взаимоположения объемов. П-образные трехэлементные группы, обращенные курдонером внутрь квартала, располагались по обе стороны вдоль магистрали зигзагом и тем самым равновесно. Аналогично размещались и другие элементы: сплошные протяженные блоки тоже формировали равновесную зигзагоподобную структуру относительно магистрали. Так, визуальное равновесие реализовано в применении и сочетании двух зигзагообразных схем постановки объемов. Подчеркнем также, что застройка проспекта имела единую стилистическую характеристику позднего классицизма, обусловленную ансамблевым подходом к организации крепости.

В градостроительные формы А. Е. Штауберт заложил христианскую семантику. Вероятно, зодчему была известна и языческая символика, используемая в русле творческого метода романтизма для обогащения смыслового содержания городской структуры. Постановка однотипных групп застройки с формированием двух зигзагоподобных схем слишком целенаправленна и однозначна, чтобы оказаться случайным художественным решением. Зигзаг является дохристианским знаком молнии и с началом в XVI - XVII вв. массового распространения артиллерии, «громовного огневого боя» применялся в порядке древнейшей традиции как оберег на фасадах крепостных стен в качестве символической защиты [10, с. 184]. При этом приемы формального выражения зигзага были разнообразны. Очевидно, и в масштабе градостроительных построений классицизма воплотилась историко-романтическая идея оберега, естественно нашедшая свое место именно в случае возведения города-крепости, главную опасность для которого таила огневая сила артиллерии.

Функционально-планировочная организация и пространственная композиция Бобруйска не были уникальным явлением в фортификационном зодчестве России эпохи классицизма. Очевидно, в условиях использования новейших западноевропейских образцов проводилась последовательная политика формирования градостроительного единства, предполагающего при этом разнообразие городов-крепостей, разнесенных между собой на колоссальные расстояния, поставленных на западных и восточных рубежах крупнейшей империи мира. Сравнительный анализ показывает идентичность многих характеристик Бобруйска и, например, Омска — военно-административного центра Западной Сибири, спроектированного еще в 1765 г. (план Омска — см. [1, с. 284]). Примечательно, что высказывается обоснованное предположение о строительстве казарм омской крепости по оригинальным проектам или образцовым чертежам А. Е. Штауберта [11].

Центральная часть города, крепостное ядро разместилась при впадении в Иртыш р. Оми. В отличие от Бобруйска, где это ядро получило полукруглую конфигурацию, в Омске оно походило на круг. Однако, размеры территории, охваченной поясом укреплений, были близки, как и число основных бастионов — восемь во внутренней линии в Бобруйске и шесть в Омске, дополненных малыми реданами. Прямоугольная сеть улиц внутрикрепостной зоны сочеталась с вызванным оборонными соображениями децентричным положением главной площади, смещенной к водной преграде.

Важной чертой единства явился прием размещения форштадтов, охвативших центральное ядро с северо-запада в виде четверти окружности. В обоих случаях форштадты

имели характер относительно узкой полосы из четырех рядов кварталов в Бобруйске и двух рядов — в Омске, а вся полоса в Омске состояла из трех основных частей. Незначительно отличались и размеры стратегического пространства между крепостным ядром и форштадтами, хотя и более обширного в Омске. Недалеко от крепостного ядра в обоих городах на берегу большей реки сооружено вспомогательное укрепление, усиливающее общие оборонительные качества.

Сравнение генеральных планов двух городов дает возможность проследить эволюцию, при единстве принципиальных подходов, функционально-планировочных и композиционных приемов фортификационного градостроения, произошедшую за полвека. Основными тенденциями служили наращивание урбанистического масштаба и усиление оборонительных возможностей крепостной системы. С другой стороны, тенденция императорской государственности, общероссийская политика воплотились и в привлечении в 1823 г. к разработке нового генерального плана Омска В. И. Гесте [1, с. 281], который оказал огромное влияние также на градостроительство в белорусских губерниях.

В отличие от барочно-классицистических площадей образцом принципиально иного произведения классицизма явились примыкающие друг к другу, объединенные в пространственное целое прямоугольные Соборная и культовая площади по разные стороны от главной магистрали крепости. Например, если в Витебске усложненная планировочно-пространственная композиция ансамбля трех основных площадей обусловилась методом интерпретации исходных структурных особенностей ядра центра, то бобруйский ансамбль, созданный почти на столетия позже, но тоже на территории сложившейся застройки, отразил стремление к более строгому порядку. Воплотилась воля творца новейшего города-крепости, пренебрегающего ценностными качествами опорной ситуации. Здесь романтизация ориентировалась не вовнутрь, на углубленное осознание конкретных свойств самого объекта проектирования, а вовне, на освоение абстрактно понимаемых идеальных образцов, типичных для Средневековья и уходящих корнями в греческую античность.

В настоящем исследовании выполнены реконструкции плана в М 1:2000 и поперечного разреза в М 1:200 ансамбля Соборного и культового форумов на 1830-е годы, а на основе реконструкций выявлены особенности его пространственного построения и восприятия. В анализе использованы вышеуказанные планы города, чертежи фасадов и планов сооружений [12], современная геодезическая съемка территории, текстовые источники [3, 4, 5 и др.]. Ныне планировка и застройка площадей в значительной мере утрачены. Не сохранились храм Александра Невского, возвышавшийся в центре Соборной площади; двухэтажный госпитальный корпус и другие сооружения, формировавшие ее целостный периметр; приходский костел посередине культовой площади.

Ансамбль характеризует примечательные аспекты творческого подхода классицизма, иллюстрирует ретроспективные влияния и примененные А. Е. Штаубертом, свойственные стилю композиционные приемы. Воплощены черты средневековой регулярной, или готической планировки, распространенной в Западной и Центральной Европе, в особенности в Германии, а также в Великом Княжестве Литовском. Это носило не выраженный характер, не подобие цитирования, а осуществлялось в виде нюансного внесения отдельных формальных элементов в типичную классицистическую композицию, стилевые образные черты которой доминировали над средневековыми реминисценциями. Можно предположить, что этническое происхождение зодчего могло повлиять на предпочтение специфических средневековых планировочных форм.

Прием сопряжения прямоугольных, разных по размерам площадей вызывает ассоциации с угловым примыканием в средневековую эпоху центральных площадей, как правило ратушной и культовой. Как нередко наблюдалось в готической структуре, от углов главного форума отходило семь коммуникаций. На восточном углу Соборной площади формальную роль одной из этих улиц выполняла маломасштабная культовая площадь с приходским и иезуитским костелами. Для сохранения сакрального числа семь западный угол отмечен только одной улицей, хотя градостроительная ситуация нерегулярного города до реконструкции

и логика новой, классицистической композиции свидетельствуют о хорошей возможности трассировки и здесь двух магистралей.

Обращая внимание на идейность романтизации структуры, интерпретирующей средневековые образцы, необходимо вспомнить другие города-крепости на северо-западных рубежах Российской империи. В Выборге две прямоугольные, достаточно обширные площади сочленились одним углом и во внутреннем пространстве на оси симметрии имели по одной высотной доминанте. Кроме того, уличная сеть крепости была преобладающе прямоугольной (план Выборга 1797 г. — см. [1, с. 276]).

Все здания ансамбля спроектированы А. Е. Штаубертом по единому замыслу и построены за короткий промежуток времени. От старой застройки остались лишь приходский и иезуитский храмы, мастерски включенные в регулярную композицию. Пропорциональный анализ ансамбля свидетельствует о всемерном осуществлении зодчим принципа жесткой геометризации, образно созвучной военному назначению города. Проектный метод А. Е. Штауберта основывался на применении целочисленных размеров, использовании как планировочного модуля существенного параметра ансамбля, равенстве основных размеров разных по композиционной роли объемов или пространств, совпадении планировочных осей элементов застройки.

Длина Соборной площади составляла 100 саженей, ширина — 71 сажень. У костельной площади эти размеры были 56 и 37 саженей. Поперечная ось главной площади, совпадающая с основной осью собора Александра Невского, была изначально «привязана» к оси трансепта иезуитского храма, а середина главного фасада одного из домов для обер-офицеров разместилась точно на продолжении продольной оси приходского костела.

Центричное размещение собора на главной городской площади было не только традиционным, но и соответствовало идеологическим тенденциям времени. В «Наставлении о строении церквей» начала XIX в. указывается, что «... площадь и вообще места пространственные, открытые и возвышенные всего способнее к тому, дабы церкви казались величественнее других окружающих их зданий» [1, с. 132].

В качестве модулей планировочной композиции площади заложены длина (17,0 саженей) и ширина (10,0 саженей) собора. Длина собора спроектирована равной протяженности иезуитского костела на северо-восточной стороне культовой площади. Костел сохранился к настоящему времени в перестроенном виде, без апсиды, восполнение которой по изображению храма на плане Бобруйска конца XVIII в. дает длину костела, равную длине церкви Александра Невского.

С небольшим приближением длина собора укладывалась шесть раз по длине Соборной площади, а расстояние от точки пересечения ее продольной и поперечной осей, находящейся внутри храма, до длинной стороны площади составляло две его длины. От данной точки до оси главной городской магистрали размещалось три ширины храма и еще одна ширина укладывалась от оси магистрали до продольной оси иезуитского костела. Вдоль сторон площади были посажены по два плотных ряда деревьев, каждый из которых образовывал прямоугольник. Стороны большего прямоугольника кратны ширине собора, составляя восемь и пять таких модулей.

Выявляя принцип трактовки длины и ширины главного здания ансамбля как модулей планировочной композиции, следует вспомнить теоретические взгляды выдающегося английского зодчего К. Рена. В проекте восстановления Лондона после пожара 1666 г. этот крупнейший геометр своего времени установил, что церкви по длине должны равняться ширине основных магистралей, а по ширине — размерам обычных улиц. Он определил модуль в тридцать футов и для общественных зданий, и для городских пространств, в том числе размеров площадей [13, с. 110].

Принцип повторяемости размеров объемов и пространств широко и разнообразно применен в бобруйском ансамбле. Протяженности главных фасадов здания госпиталя на Минской улице и больничного корпуса на Соборной площади спроектированы одинаковыми. Равнялись между собой длины зданий штаба и коменданта с торцом флигеля на сторонах

площади. Значимость здания коменданта 1823 - 1827 гг. подчеркивалась размещением здесь императорской резиденции. Расстояние от угла генеральского дома до середины фасада здания штаба равно отрезку от последнего до средокрестия церкви Александра Невского. Расстояние от того же угла до торца штабного здания приравнено к длине короткой стороны площади за вычетом ширины основной магистрали. Равны между собой отрезки от угла площади до средокрестия иезуитского костела и до торца дома коменданта. Оконечность балюстрады, пристроенной к трехэтажному зданию госпиталя на Минской улице, трактована как центр окружности, радиус которой составляют отрезки до середины фасада больничного корпуса на юго-западной стороне Соборной площади, до главного фасада иезуитского храма, до аналогичной балюстрады с противоположной стороны госпиталя.

Многоаспектность творческого подхода А. Е. Штауберта подтверждается и анализом высотной композиции, также выявляющим систему примененных приемов. Созданные в первой половине XIX в. объемно-пространственные элементы подвергнуты жесткому регулированию путем организации единого горизонта главного венчающего карниза всех основных сооружений. Высота до верха карниза зданий коменданта, штаба и госпиталя составляла 4 сажени, а до конька кровли — 5 саженей 1 аршин. Второстепенные компоненты ансамбля были до венчающего карниза на 2 аршина ниже указанных сооружений. Высотой 4 сажени спроектирован и основной объем собора до верха главного карниза. Тем самым, основная доминанта всей композиции возвышалась над фоновой застройкой ансамбля лишь за счет звонницы и полусферического купола над средокрестием.

В соотношениях определенных частей собора, а также храма и застройки периметра площади заложены одинаковые пропорции, что способствовало художественному единению разнородных архитектурных форм. Для такого типа общности зодчим выбраны наиболее важные для зрительного восприятия характеристики, осознаваемые в первую очередь, обуславливающие в целом силуэт и основные членения объема церкви. Например, отношение между высотами собора до конька двухскатной кровли и до верха креста звонницы равно пропорции между высотами до главного карниза и до верха креста на куполе (0,40).

Аналогично вышеприведенной пропорции соотношение между высотами до конька кровли и до верха звонницы без тумбы с крестом равнялось соотношению высот до венчающего карниза и до верха купола (0,53). Изящная ампириная конструкция, включавшая круглую тумбу, декорированную гирляндами и завершенную крестом на шаре, была выполнена одинаково на звоннице и куполе, но имела разные пропорции.

Кроме пропорциональной общности в высотную структуру храма заложены удвоения и утроения. Высота собора до одного из заметных горизонтальных членений — карниза на подкрестовой тумбе звонницы — вдвое превышала конек крыши, а до верха креста — втрое превышала уровень главного карниза. Высота же до карниза подкрестовой тумбы купола равнялась удвоенной высоте до главного венчающего карниза.

Художественной целостности ансамбля способствовало единство пропорционального строя собора и застройки периметра площади. Главной чертой высотной композиции фасадов всех гражданских зданий была антитеза низкого рустованного первого этажа и гладкой поверхности второго. Отношение высот этих ярусов — 1:2 — было близко пропорции, наглядно характеризующей вертикальное построение храма. Это отношение высоты купола с низким стилобатом и высоты от уровня земли кубического подкупольного объема, соответствующей коньку кровли — 1:2,2. Другая пропорция, показательно иллюстрирующая силуэт доминанты, — отношение вертикальных размеров купола без стилобата и звонницы без тумбы с крестом — тоже составляла 1:2,2.

В классицистическом решении собора наблюдались черты романтизма. В архитектурном образе прослеживались традиции построения формы культового католического зодчества XVII—XVIII вв. Наподобие костелов этого периода храм имел сильно вытянутый основной объем, пересекаемый также удлиненным трансептом, в связи с чем сооружение значительно отличалось от русских православных церквей с компактным, часто центричным объемом. Стены звонницы имели небольшой наклон, что вызывало ассоциации с контрфор-

сами костельных башен. Эти черты, а также круглые проемы наподобие амбразур на аттике притвора, в целом укрупненный масштаб элементов корреспондировались с тонко выраженным средневековым образом всей композиции города. Отметим и попытку придать «народность» формам звонницы, приблизиться к особенностям колоколен и башен сельских деревянных церквей.

Так, исследование застройки Соборной площади показывает всестороннее воплощение ансамблевого принципа единства в многообразии, проникнутого глубоко осознанными пропорциональными соотношениями. Подтверждается закономерность, изложенная, например, А. Ф. Лосевым: «Эстетический предмет ... должен быть единством, но это единство не мешает бесконечному разнообразию его элементов, так что единство это проявляется в виде проникающей всю эстетическую предметность живой пропорциональности. Эстетический предмет с начала до конца ритмичен, и его ритмика не только видима и осязаема, но и математически оформлена» [цит. по 14, с. 194, 201].

Интересно сравнить некоторые композиционные свойства застройки Соборной площади и, к примеру, барочно-классицистического ансамбля административного форума Полоцка, созданного в XVIII в. Примечательно, как по прошествии нескольких десятилетий изменилась трактовка категории архитектурного масштаба. В Полоцке иезуитский костел как главная доминанта выделялся в фоновой застройке огромными абсолютными и относительными размерами. Однако масштаб ордерной обработки фасадов был хоть и крупнее, но все же близок масштабу декора созданных позднее административных зданий. Главенствующий объем выявлен приемом количественного наращивания элементов его общей архитектурной массы, сложности убранства, в частности, что особенно характерно, числа фасадных ярусов.

Художественные средства выделения доминирующего сооружения в ампирном ансамбле Бобруйска, интерпретация архитектурного масштаба во многом противоположны. Как упоминалось, высоты собора и большинства гражданских зданий до венчающих карнизов были одинаковы, а над горизонтом застройки сторон площади возвышались только звонница и купол. Эти обстоятельства сочетались с предельным укрупнением, монументализацией масштаба элементов церкви в их соотношении с человеком и, главное, с детализировкой всего периметра площади. Один ярус фасада собора с крупными оконными проемами и значительной композиционной ролью стены равнялся двум ярусам фасадов двухэтажных административных зданий с более мелкими масштабными членениями. Брутальная упрощенность свойственна и решению звонницы, имеющей только один 8-метровый ярус ажурной структуры с весьма скромной раскреповкой. Такой контраст «внутрисилуэтных» масштабов церкви и окружающих ее построек служил у А. Е. Штауберта путем образного возвеличивания храма.

Подытоживая анализ ансамбля можно утверждать, что его автор обладал знанием законов восприятия. В плане площади вытянутый объем собора размещен поперек ее продольной оси алтарем на северо-восток. Учитывая неукоснительное соблюдение классической ортогональной системы планировки и исходя из традиций церковного догмата, следовало бы предположить постановку храма скорее вдоль оси площади апсидой на юго-восток. Очевидно, в данном случае эстетические соображения главенствовали и обусловили логичные для удлиненной площади условия обозрения собора. Протяженные боковые фасады свободно воспринимались вдоль ее продольной оси с больших расстояний, а хорошее обозрение узких главного и апсидного фасадов обеспечивалось малыми расстояниями до сторон площади.

Ряды деревьев ограничивали ажурным барьером пространство вокруг церкви, немногим меньшее самой площади. В местах входа в это условное пространство с четырех направлений по осям площади находились узловые, лучшие точки восприятия собора. Угол видимости из них храма по наибольшему измерению был оптимальным, составляя около 27°. При обзоре бокового фасада большим измерением служила длина церкви, а главного и алтарного фасадов — ее высота. Так, свойственный классицизму вообще принцип, когда образ целого может постигаться не в процессе растянутого во времени восприятия, а при первом взгляде, фронтально, дополнялся эффектом неожиданности благодаря хорошему обзору храма только

после попадания внутрь «ландшафтного» пространства и, кроме того, под наилучшим углом зрения для внезапно открывавшейся видовой картины.

Библиографический список

1. Русское градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII - первой половины XIX веков / Под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1995. 403 с.
2. Слюнькова И. Н. Архитектура городов Верхнего Приднепровья XVII - середины XIX в. Минск: Наука и техника, 1992. 144 с.
3. Квитницкая Е. Д. Планировка Бобруйской крепости // Архитектурное наследство: Проблемы градостроительства IV - XIX вв.: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1976. Вып. 25. С. 25 - 34.
4. Квитницкая Е. Д. Госпитали Белоруссии в первой половине XIX в. // Архитектурное наследство: Малоизученные вопросы зодчества народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1982. Вып. 30. С. 46 - 59.
5. Квитницкая Е. Д. Центры городов Белоруссии в XVI - первой половине XIX в. // Архитектурное наследство: Самобытность и влияния в зодчестве народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1983. Вып. 31. С. 28 - 50.
6. Планы 1818 г. (РГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 5979), 1845 г. (РГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 6817), 1800 г. (РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 14, л. 52), начала XIX в. (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 1422), 1828 г. (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 1517), два плана 1829 г. (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 1424, 1518), два плана 1830 г. (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 1425, 1514), три плана 1831 г. (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 1426, 1427, 1429), три плана 1832 г. (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 1428, 1430, 1431), 1833 г. (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 1432), 1834 г. (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 1433), два плана 1836 г. (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 1437, 1441), два плана первой половины XIX в. (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 1428, 1519).
7. Чантурия Ю. В. Градостроительное искусство Беларуси второй половины XVI - первой половины XIX в.: Средневековое наследие, Ренессанс, барокко, классицизм. Минск: Бел. наука, 2005. 375 с.
8. Чантурия Ю. Градостроительство классицизма в Белоруссии: творческие направления, особенности губерний // Архитектура мира: Материалы VII Междунар. конф. по истории архитек. «Запад — Восток: архитектурные школы Нового и Новейшего времени» / Гос. науч.-исслед. музей архитек. им. А. В. Щусева, НИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т. М., 1998. Вып. 7. С. 96 - 101.
9. Антонов А. В. Александр Штауберт // Зодчие Санкт-Петербурга: XIX – начало XX века / сост. В. Г. Исаченко. СПб.: Лениздат, 1998. С. 203 – 210; Кириков Б. М., Штиглиц М. С. Петербург немецких архитекторов: От барокко до авангарда. СПб.: Чистый лист, 2002. С. 78 – 82.
10. Павлов Н. Л. Идея столпа-молнии в архитектуре индоевропейцев // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад — Восток: взаимодействие традиций в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва. М., 1993. Вып. 2. С. 182 - 185.
11. Лебедева Н. И. Историко-архитектурный комплекс северо-западного сектора Омской крепости // Известия ОГИК музея, № 8 (открытый интернет-источник).
12. Собор (РГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 6154, 6156, 6158), здание штаба и дома офицеров (РГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 6017); двухэтажное здание госпиталя (РГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 6014), трехэтажное здание госпиталя (РГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 6232, 6235), дом коменданта с корпусами (РГВИА, ф. 349, оп. 23, д. 6136, 6137).
13. Швидковский Д. О. Сэр Кристофер Рен и перестройка Лондона во второй половине XVII века // Градостроительное искусство: Новые материалы и исследования: Памяти Т. Ф. Саваренской: Сб. ст. М.: КомКнига, 2007. Вып. 1. С. 106 - 112.
14. Шамардина Н. В. Античные системы пропорционирования и композиционные принципы средневековой живописи // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад — Восток: античная традиция в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т. М., 1994. Вып. 3. С. 193 - 201.